

ЭТНОС, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1996 г., ЭО, № 2

И. Гилязов

ПАНТЮРКИЗМ, ПАНТУРАНИЗМ И ГЕРМАНИЯ

В первые годы второй мировой войны во многих официальных документах Германии, на страницах газет и журналов замелькали такие термины, как «Туран», «пантуранизм» (туранизм), «пантюркизм». В министерстве иностранных дел была заведена особая папка документов под грифом «Пантуранизм», включавшая десятки документов. В министерстве даже появился ответственный по этим вопросам дипломат. Германское посольство в Турции постоянно докладывало о состоянии и перспективах развития пантуранистского движения в этой стране.

Что это — случайность или закономерный шаг со стороны Германии, пытавшейся в собственных интересах использовать тюркский фактор? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к хронологически более ранним событиям и внесем ясность в отношении терминов.

«Туран» — древний иранский термин, как правило, противопоставляемый Ирану: Иран — Туран. У персов слово «Туран» означало кочевых тюрков, которые на севере соседствовали с Ираном. Мир этот представлялся персам традиционно враждебным, темным, диким, варварским. Слово «Туран» имело явно негативный оттенок: в таком смысле оно встречается, например, в поэме Фирдоуси «Шах-наме». Как нередко случается в истории, в более позднее время этот термин был воспринят учеными (в XIX в. его пропагандировал знаменитый венгерский тюрколог А. Вамбери) и самими тюрками как обобщающее название для тюркских и угро-финских народов.

Туранизмом (или пантуранизмом) в исследовательской литературе обычно называют движение или идею политического, культурного и этнического единства всех тюркоязычных народов, а также венгров, эстонцев и финнов. Отметим сразу, что среди угро-финнов туранские идеалы особо широкого распространения не получили, разве что в Венгрии, где существовало Туранское общество и с 1913 по 1970 г. издавался журнал «Туран».

«Туранизм» (пантуранизм) в широком смысле слова понятие более объемное, чем понятие «тюркизм», или «пантюркизм», включающее лишь тюркские народы. Однако какого-то устоявшегося понимания терминов «пантуранизм» и «пантюркизм» нет даже у исследователей, специально занимающихся этими вопросами. Так, Чарльз Хостлер определяет «пантюркизм» как движение тюркоязычных народов. Турецкая исследовательница Зехра Ондер, цитируя Хостлера, произвольно заменяет «пантюркизм» на «пантуранизм»¹. Таким образом, эти термины на протяжении десятилетий понимались по-разному учеными и политиками. При этом даже сторонники тюркского единства часто рассматривали оба понятия как синонимы. Следуя такой традиции, и мы будем употреблять эти термины в качестве синонимов. К этому вынуждают нас и многочисленные источники и литература.

Пантюркистская идея имеет довольно длительную историю как в Турции, так и в России². В XIX — начале XX в. идея единства тюркских народов получила

заметное развитие в первую очередь среди азербайджанцев, крымских и поволжских татар. Достаточно вспомнить неумолимого просветителя Исмагила Гаспринского и его газету «Гарджиман» или крупного теоретика Юсуфа Акчуру. Революция 1905—1907 гг. породила надежду на осуществление идеалов тюркского единства, однако в результате усиления имперских тенденций в российской внутренней политике после 1907 г. многие сторонники тюркского единства эмигрировали в Турцию.

С этого времени пантюркистская идея активно развивается в Турции, в частности в журнале «Тюрк йурду», который с 1911 г. издавался Юсуфом Акчурой. Наиболее известным поборником идеи тюркского единства становится философ и поэт Зия Гекальп. Написанное им в 1911 г. стихотворение «Туран» стало, по словам Ч. Хостлера, «первым воззванием в защиту тюркского единства в поэтической форме»³. «Родиной тюрков является не Турция, не Туркестан,— писал автор.— Их родина — это широкая и вечная страна — Туран». З. Гекальп идеализировал доисламское прошлое тюркских народов, призывая вернуться к истокам, очистить язык от арабизмов и фарсизмов. При этом важнейшим интегрирующим фактором для тюрков, по Гекальпу, являлся язык, а не те или иные расовые, антропологические или этнические признаки.

В Турции слово «Туран» становится популярным, даже символическим. Сторонники туранской идеи развивают активную пропагандистскую деятельность. Халидэ Эдип Адивар публикует роман «Новый Туран», Али Тевфик выступает с серией статей под общим названием «Дневник тураниста»⁴.

Начавшаяся первая мировая война еще более оживила надежды туранистов на создание Туранского государства. Они полагали, что пантуранистские планы Турции будут поддержаны европейскими державами. Однако этим чаяниям не суждено было сбыться. Одной из наиболее ярких фигур туранистского движения в это время являлся, пожалуй, турецкий военный министр Энвер-паша. Он мечтал о лаврах Тамерлана и намеревался осуществить на практике свои планы⁵. В феврале 1918 г. Энвер-паша возглавил поход на Баку, который завершился взятием города. Идеи военного министра, однако, не нашли понимания и поддержки у нового лидера Турции Мустафы Кемалья Ататюрка, которому идеи туранизма были чужды. Энвер-паша эмигрировал в Среднюю Азию, где трагически закончил свою жизнь в 1922 г.

Основатель Турецкой республики Мустафа Кемаль в своей внешней политике был, безусловно, прагматиком. Он поддерживал мирные отношения с северным соседом — Советским Союзом, а потому негативно относился к идеям тюркского единства, сразу заявив, что «туранизм — это вредная концепция»⁶. Как точно заметил Лотар Кречер, национализм Ататюрка «заканчивался на границах Турции»⁷. При нем в Турции даже начались гонения против известных туранистов и их печатных изданий. По мнению авторитетного знатока истории Турции Готтхарда Йешке, самым последним выражением туранизма во времена Мустафы Кемалья стал «Тюркский ежегодник», изданный Юсуфом Акчурой в 1928 г.⁸

В 20—30-е годы пантуранизм, или пантюркизм, переживал кризис. Это, конечно, не означает, что идеи тюркского единства в кемалистской Турции совсем заглохли. Оставались, по крайней мере, крупные ее представители. Упомянем лишь имя выдающегося тюрколога Ахмед-Зеки Велиди-Тогана, который из-за своих пантюркистских взглядов встал в оппозицию к Ататюрку. Он вынужден был покинуть Турцию и с 1932 по 1938 г. находился в Германии.

Теперь вполне естественным представляется вопрос: как получилось, что нацистская Германия всерьез заинтересовалась туранистским движением, уже почти незаметным в конце 20-х и в 30-е годы?

Турецкая и общетюркская проблематика в принципе всегда привлекала немецких исследователей, даже в период первой мировой войны и после ее трагического для Германии окончания. Работы аналитического характера, оценивающие потенциал общетюркского национального движения, появлялись нередко. Тон их был разным. Например, известный ориенталист Карл Броккельман с пессимизмом

отзывался о шансах пантуранизма среди российских тюрков. Среди них, по его мнению, широко распространились идеи русской революции⁹. Иначе думал другой исследователь — Карл Випперт¹⁰. Он понимал, что в Европе слишком мало знают о тюркских народах и, когда говорят о европейцах, то, как правило, имеют в виду народы славянского, германского или романского происхождения. Прочие остаются в стороне. Между тем в недалеком будущем, по мнению Випперта, они, вероятно, будут играть серьезную роль в судьбах Европы. Среди этих народов исследователь на первое место ставил тюрков. Он отмечал их тесную связь с финнами, венграми и эстонцами.

По мнению ученого, в настоящее время (т. е. в 1922 г.) туранская идея еще не созрела окончательно и не овладела массами. В недалеком будущем вполне возможно «извержение народного вулкана» в целях создания великого Туранского государства — от Константинополя до Волги и до гор Алтая. Финские народы как родственники тюрков должны оказаться в сфере их влияния. В 20-е годы, по мнению Випперта, представители туранской идеи были немногочисленны, а спектр мнений среди туранистов — еще слишком широк. Одни из них уповали на слаботь Советского государства и на советско-английские противоречия, другие надеялись расширить самостоятельность возникших советских тюркских республик. В своей статье Карл Випперт говорил о том, что туранизм как движение, как идея находится в детском возрасте. И вполне возможно, вскоре он станет «значительным фактором в борьбе политических сил в Европе». Правда, тут же автор делал оговорку, что события могут пойти по-иному, но менее вероятному сценарию: туранизм останется ограниченным в узком круге сторонников, не развиваясь в политическом отношении, и бесславно «утонет в... царстве мертвых понятий».

Итак, в Турции при Ататюрке пантуранизм был явно не в чести. Среди советских тюркских народов идеи общетюркского единства вообще не могли развиваться в 20—30-е годы в условиях усиливавшейся сталинской диктатуры. В целом оптимистический прогноз Карла Випперта о перспективах развития этого движения был, по-видимому, в Германии не случайным, так как в начале второй мировой войны идеи турана привлекли пристальное внимание германской дипломатии. В какой-то степени этому способствовало, возможно, и то, что после смерти Ататюрка в 1938 г. новый президент Исмет Инону несколько смягчил давление на туранистов. После шестилетней вынужденной эмиграции в Турцию вернулся Ахмед-Зеки Велиди, с мая 1939 г. Р. Огуз Тюрккан начал издавать радикальный журнал «Бозкурт». Не исключено, что крайний национализм отдельных туранистов привлек внимание национал-социалистических теоретиков в Германии. С помощью братьев по духу они надеялись найти поддержку своим далеко идущим внешнеполитическим планам.

Интерес к пантуранизму в Германии заметно возрос в период подготовки и после нападения на Советский Союз, так как, во-первых, стало возможным привлечь многочисленные тюркские народы СССР к «борьбе против большевизма»; во-вторых, разыграв тюркскую карту, можно было оказывать давление и на Турцию.

Уже в апреле-мае 1941 г. МИД Германии рассматривал вопросы о будущих кандидатурах, ответственных за работу в СССР с кавказскими и среднеазиатскими народами, с крымскими и поволжскими татарами, с калмыками. Предусматривалось создание при МИД так называемого Комитета по России. 28 апреля 1941 г. свое согласие на сотрудничество с этим комитетом дали известные специалисты проф. Герхард фон Менде и Оскар фон Нидермайер¹¹. С началом войны первый начнет работать в Восточном министерстве, а второй позднее будет командовать 162-й Тюркской дивизией.

Следует отметить, что некоторые авторитетные дипломаты еще тогда скептически отзывались о перспективах пантуранизма. Бывший до 22 июня 1941 г. послом в СССР граф Фридрих Вернер фон Шуленбург и советник посольства Густав Хильгер предупреждали: «Вызывает сомнение, что в СССР под влиянием

немецких военных успехов „автоматически“ возникнет пантуранистское движение, так как здесь отсутствуют предпосылки для этого. В широких массах мусульманского населения в СССР пантуранистская идея не имеет притягательной силы»¹². Кстати говоря, 25 июля 1941 г. Г. Хильгер высказался еще более определенно: среди тюркских народов Советского Союза пантуранизм как идея никакой перспективы не имеет. «Разве что азербайджанцев может привлечь пантуранистская агитация,— подчеркивал он,— а казанские и крымские татары, хотя и являются мусульманами, из этой агитации выпадают, потому что соответствующие идеи им чужды»¹³.

Тем не менее машина была запущена и остановить ее было невозможно. Очень вероятно, что сыграли свою роль и весьма субъективные, во многом неточные справки некоторых сотрудников МИД. Пример тому — материал «Тюрко-татары в России», написанный по поручению министерства Алимжаном Идрисом 25 июня 1941 г. (!) в явно пантюркистском духе¹⁴. Тюркский народ, насчитывающий в СССР 27—30 млн. человек, как писал автор, получит, наконец, возможность создать свое единое государство. В СССР же этот народ был искусственно разделен на отдельные республики — Узбекистан, Казахстан, Киргизию, Татарстан, Башкирию и др. (в список вошел почему-то и Таджикистан).

По мнению А. Идриса, это разные племена одной семьи восточных тюрков и разница в их языке гораздо меньше, чем разница между саксонским, баварским и вюртембергским диалектами немецкого языка. Все тюркские народы, как считал А. Идрис, пылают ненавистью к евреям. Среди них, правда, есть примерно 100 тыс. коммунистов, но убежденным коммунистом никто из них не является. Тюрки не желают сотрудничать с теми политическими авантюристами-эмигрантами, которые мечтают создать сепаратистские государства — Крым, Азербайджан, Татарстан и Башкирию. По словам А. Идриса, не только население, но даже и тюркские коммунистические лидеры — ставленники Сталина — хотят создать единое тюркское государство. Германия, как отмечал в заключении автор, теперь должна обратить особое внимание на эти народы и оказать им поддержку.

А. Идрис предлагал создать в МИД специальное отделение, которое рассматривалось бы как единственная инстанция по вопросам будущности тюркских народов. Все иные поступающие в министерство и в высшее командование вермахта предложения учитываться не должны. Нетрудно догадаться, кого видел А. Идрис во главе этого отделения. Он предлагал также срочно организовать радиопередачи на различных тюркских диалектах (кстати говоря, к делу радиопропаганды на тюркских языках А. Идрис активно подключился позже в другом министерстве — министерстве пропаганды). По идее автора материала, все плененные в ходе боевых действий тюрко-татары должны немедленно доставляться в Берлин для получения от них необходимой информации. А сепаратистов, ратующих за независимые Азербайджан, Туркестан и Идель-Урал, А. Идрис предполагал гнать в шею.

Однако этими предложениями он не ограничился. Им был составлен список «сепаратистов», которым, по его мнению, абсолютно нельзя доверять (тем самым данный материал получал характер тривиального доноса). В «черный» список попали Мехмет Эмин Ресульзаде, Мустафа Чокай, Гаяз Исхаки, Ахмед-Зеки Велиди, Рашид Размати, Абдул-Гани Усман, Джафер Сеид-Ахмед, т. е. виднейшие деятели национального движения тюркских народов, объединявшиеся тогда в лиге «Прометей» («темная организация», по словам А. Идриса). К слову сказать, Идрис и позже преуспевал на поприще составления подобных «характеристик», имея, мягко говоря, натянутые отношения практически со всеми лидерами тюрко-татарской эмиграции.

27 июня 1941 г. крупный чиновник германского МИД Вернер Отто фон Хентиг сообщал, что в первые дни после начала войны против Советского Союза он имел встречи с представителями многих тюркских народов — татар, башкир, узбеков, казахов. Хентиг подчеркивал, что тюркские народы до сих пор сохранили свою организацию и имеют надежных людей в России и Турции. Однако в сообщении

не шла речь о сотрудничестве и необходимости поддержки национального движения тюрков. Как истинный дипломат Хентиг был весьма осторожен в выводах¹⁵.

25 июля германский посол в Турции Франц фон Папен обратил внимание МИД, что с немецкими военными успехами в войне против СССР автоматически возрастает и пантуранистское движение (вспомним приведенные выше слова Шуленбурга и Хильгера!). Каждый турок, по мнению посла, имеет ярко выраженное племенное и расовое самосознание, и все его пожелания в этих сферах связаны не с Англией, а с Германией. Папен предложил по возможности расширить пропагандистскую кампанию среди тюркского населения СССР, подчеркивая при этом единство их национальных целей, а также срочно начать работу по отделению всех военнопленных тюркского происхождения для возможного их будущего участия в военных действиях¹⁶.

Тот же Папен подготовил и 5 августа направил в МИД справку о пантуранизме и пантуранистском движении и об его лидерах в Турции¹⁷. Он снова отметил, что интерес к пантуранизму растет и что лидеры его все активнее выступают за изменение границ Турции. Среди прочих имен назывались Шюкрю Ембагче, Гури Киллигиль (или Нури-паша, брат упоминавшегося выше Энвера-паши), Ахмед-Зеки Велиди, Ахмед Джафер, Мемдух Шефкет, генерал Хюсюн Эмир Эркилет. Турция, по мнению немецкого дипломата, поддерживает движение восточных тюрков по созданию независимого государства, но под своим влиянием. Поэтому Германия в своей борьбе с Советским Союзом должна учитывать возможность возникновения сильного государства. В войне с Россией Германия не может опереться на Украину, ибо украинцы как славяне в любой момент могут вспомнить о своих корнях, с тюрками же подобная вероятность исключается.

В тот же день, 5 августа, турецкий посол Герече посетил государственного секретаря МИД Германии Вайцзеккера. Во время встречи он допустил, пожалуй, неосмотрительные и слишком прямолинейные высказывания: о возможности активной антисоветской пропаганды через тюркские народы СССР, о создании в будущем, по крайней мере на Кавказе, буферного государства, а к востоку от Каспия — самостоятельного Туранского государства. Буквально через две недели, 19 августа, тот же посол проявил куда большую осторожность в высказываниях (по-видимому, получив «ценные указания» из Анкары) на встрече с министром иностранных дел Германии Иоахимом фон Риббентропом. Турецкий посол пояснил, что его страна не имеет никаких амбиций вне настоящих ее границ, добавив при этом, правда: «По крайней мере не в своей официальной политике»¹⁸.

Итак, с началом войны со стороны Германии наблюдался определенный интерес к туранистскому движению. Создавалось впечатление, что по крайней мере руководство германского МИД считало туранистов влиятельной и авторитетной силой в Турции, способной оказывать давление на официальную Анкару в деле военной поддержки Германии (под видом заботы о судьбе своих тюркских соотечественников в СССР). При этом очевидно и другое — турецкое правительство проявляло большую осторожность, явно дистанцируясь от туранистских лидеров. Таким образом, руководство германской дипломатии заблуждалось в оценке потенциала пантуранистского движения в Турции, которое сводилось к деятельности пусть авторитетных, но все же отдельных политиков. Одним из них был брат Энвера-паши Нури Киллигиль, или, как его чаще называют, Нури-паша.

Личность этого человека заинтересовала германский МИД уже в самые первые дни войны с СССР. Он заявил о своей озабоченности судьбами тюркских народов и выразил желание отправиться в Берлин, чтобы проконсультировать германское правительство по тюркскому вопросу. Кстати говоря, такое же желание высказал и Ахмед-Зеки Велиди, подавший уже в июле 1941 г. заявление о выдаче ему германской визы¹⁹.

В отличие от Велиди Нури-паша визу получил и в сентябре прибыл в Берлин. Тогда ему было за 50 лет и он считался в Турции преуспевающим фабрикантом.

11, 19 и 25 сентября он вел обстоятельные переговоры с государственным секретарем МИД Эрнстом Верманном, после которых последний составил подробный отчет об их ходе и содержании. Этот отчет в полной мере отражает мнения, которые господствовали в Германии в отношении пантуранизма²⁰.

Документ содержит сведения о личности Нури-паши, о сущности пантуранистской идеи, а также выводы и конкретные предположения на текущий момент.

Пантуранистское движение, по словам Верманна, имело целью создание самостоятельных государственных образований тюркских народов. Несмотря на то что оно предполагало известное изменение ныне существующих границ, Турция не будет аннексировать их территорию, а окажет им лишь политическую поддержку. Речь шла в первую очередь об Азербайджане и Северном Кавказе, затем — о Крыме и Поволжье—Приуралье и лишь потом — о Туркестане (Средней Азии). Причем Нури-паша заверял германский МИД, что официальное турецкое правительство придерживается концепции Атаатюрка о чисто национальном государстве только из практических соображений, что это лишь политика целесообразности, в основе которой лежит страх перед Советским Союзом. Теперь же, когда Германия успешно ведет войну с Советским Союзом, этот страх более не имеет оснований. Нури-паша сразу же хотел успокоить германское руководство. Турецкие амбиции, по его мнению, территориального характера не носили.

Для Верманна было совершенно очевидно, что Турция сможет реализовать пантуранистские идеи только с помощью Германии, т. е. пантуранистски настроенная Турция одновременно должна быть и прогермански настроенной. Потому Германия должна проявлять к пантуранистам самое серьезное внимание и всячески их поддерживать. Что касается перспективы, то к идеям создания одного или нескольких самостоятельных государств после военного поражения Советского Союза германский дипломат отнесся очень своеобразно. Когда речь шла о Закавказье или о Поволжье, то для Германии, по Верманну, было политически невыгодно возникновение в этих регионах самостоятельных, да еще протурецки ориентированных государств (с учетом политической нестабильности в самой Турции).

Иначе обстоит дело со Средней Азией. В сферу непосредственного влияния Германии ее территории не входят и, скорее всего, входить не будут. Создание же здесь Туркестанского государства должно существенно ослабить международные позиции Англии, а потому идея эта с германской стороны заслуживает всяческой поддержки.

Такая точка зрения в ходе войны сыграет свою роль в формировании германской политики по отношению к тюркским народам СССР: она так и останется во многом неясной, непоследовательной и противоречивой. Получалось, что Германия вроде бы и поддерживала национализм восточных народов, но была одновременно и против стремления некоторых из них к государственности.

В ходе переговоров Нури-паша обратился к Германии с рядом конкретных предложений:

1. Среди советских военнопленных необходимо отделить тюркских и мусульманских и создать для них особый лагерь подобно тому, который существовал в годы первой мировой войны в Вюнсдорфе неподалеку от Берлина²¹. Затем предлагалось проверить, насколько возможно использование этих военнопленных в качестве боевых отрядов туранистского движения.

2. Управление тюркскими и мусульманскими народами на занятых Германией территориях должно быть сосредоточено в руках самих тюрков — это было, пожалуй, пожелание на перспективу.

3. Нури-паша сам хотел играть заметную роль в туранистском движении. Он был готов переехать в Германию, чтобы заняться организацией работы с тюркскими военнопленными. В дальнейшем он полагал возможным создание туранского пропагандистского центра в Берлине со своим участием.

В конце своего отчета Верманн подчеркнул, что Нури-паша уезжает из

Берлина несколько разочарованным, ибо здесь его встречали не с распростертыми объятиями.

И тем не менее игра началась. В начале октября при поддержке германского посла фон Папена была организована поездка двух турецких генералов на советско-германский фронт, а именно на Крымский п-ов. В поездке их сопровождал бывший еще в то время представителем МИД при командовании 11-й армии Вернер Отто фон Хентиг. Али Фуад Эрден, начальник Военной академии Турции, и Хюсюн Эмир Эркилет, уже находившийся на пенсии, по воспоминаниям Хентига, менее интересовались «нашими военными успехами, чем нашими политическими намерениями, прежде всего относительно тюркских народов России»²². Оба генерала высказали серьезное беспокойство за судьбу тюркских военнопленных. Эрден как официальное лицо должен был сдерживать эмоции и следить за своими высказываниями, но Эркилет, фактически частное лицо, представлял интересы тюрко-татарской эмиграции в Турции и высказывался совершенно определенно²³. Их визит, по мнению Герхарда фон Менде, стал последним толчком к созданию так называемых легионов²⁴.

10 октября 1941 г. ответственным за пантуранистское движение в МИД был назначен крупный дипломат, знаток арабского и мусульманского мира Вернер Отто фон Хентиг. Предполагалось, что он создаст в министерстве иностранных дел специальный комитет по пантуранистическому вопросу²⁵. За несколько дней до своего назначения он составил первую справку о пантуранизме, в которой четко определил, как Германия может использовать враждебные русским пантуранистские силы: это радиопропаганда и листовки; издание журнала для мусульманских военнопленных латинскими буквами на «диалекте Гаспринского»; засылка шпионов в области, заселенные тюрками; активная работа с тюркскими военнопленными. Предлагалось отделить их от остальных и использовать вначале на сельскохозяйственных работах. Военнопленных следовало постоянно использовать в пропагандистских целях. Главные задачи, по Хентигу, — это военная переподготовка, создание школ для офицеров в особых лагерях и присоединение тюркских военных формирований к немецкой армии. Германский дипломат отмечал особые заслуги в этой сфере А. Идриса, с помощью которого он намеревался установить хорошие контакты с лидерами тюркской эмиграции²⁶.

14 октября Хентига посетили имевший татарское происхождение предприниматель из Турции Ахмед Вели Менгер и Алимжан Идрис. По словам германского дипломата, Менгер принадлежал к пантуранистскому движению и работал вместе с Нури-пашой и генералом Эркилетом. На этот раз он выразил желание помочь Германии в работе с тюркскими военнопленными при их регистрации, установлении личности, а также поставлять для военнопленных через турецкое Общество Красного Полумесяца пищу и одежду²⁷.

Хентиг проявил себя и на поприще теоретического осмысления феномена пантуранизма. 18 октября он выступил против употребления термина «пантуранизм», или «туранизм». По его мнению, этот явно неудачный термин следовало заменить «тимуризмом», или «чагатаизмом» (что, кстати говоря, больше тяготеет к среднеазиатским тюркам). Правда, в том же документе Хентиг отмечает, что работа МИД в первую очередь должна быть ориентирована на те народы, которые в географии ранее объединялись термином «Татария», чтобы пробудить в них чувство принадлежности к одному единственному народу.

Любопытно, что мнение этого дипломата о казанских татарах совершенно иное, чем у упоминавшегося выше Густава Хильгера. «В этой работе, — писал Хентиг, — мы не должны упускать возможности сотрудничества с поволжскими татарами, потому что из всех тюркских народов СССР они являются наиболее образованными, деятельными и политически наиболее ценными элементами»²⁸. Почти то же самое автор документа повторял позднее в письме Верманну от 20 января 1942 г.: «По вопросу о пантуранизме лучше всего иметь дело с поволжскими татарами»²⁹.

Очевидно, что даже среди сотрудников МИД не было единого мнения о

тюркских народах СССР. Раз уж речь зашла о взаимопонимании, отметим сразу, что среди высших инстанций Германии в период войны часто не было и следа элементарного взаимопонимания. Так, на исключительное право ведения работы среди народов СССР на оккупированных и еще не занятых территориях постоянно претендовали Восточное министерство А. Розенберга, министерство иностранных дел, внешнеполитическое ведомство национал-социалистической партии, руководство СС и руководство вермахта. Все они очень ревниво, если не сказать больше, относились друг к другу, стремясь предстать в лучшем свете перед Гитлером. Постоянная конкуренция между различными ведомствами нацистской государственной машины так и не была преодолена никогда.

Между тем в 1942 г., в преддверии весенне-летнего наступления германской армии, общий интерес к пантуранизму в Германии нарастал. Обсуждение вопросов уже выносилось на страницы не только специализированных «теоретических» журналов, но и газет. Это, например, информативный материал «Туранский идеал» за подписью В. ф. Д. во «Франкфуртер цайтунг» от 17 января 1942 г. и статья «Туран» (без подписи) в «Национал цайтунг» (Эссен) от 4 февраля того же года. В последней, в частности, отмечалось, что туранская идея является большей частью фантазией, а современная Турция — это довольно реалистичная власть, чтобы поддаваться этим фантазиям.

Не оставались в стороне и крупные «теоретики». Некий д-р Франц Роннебергер рассмотрел историю пантуранизма под углом зрения его «духовного родства» с национал-социализмом³⁰. Со статьей выступил и главный эксперт Вернер Отто фон Хентиг³¹. Он посчитал необходимым внести ясность в терминологию. Рассмотрев историю борьбы за единство тюркских народов, автор подводил читателя к мысли, что, несмотря на все попытки привить слово «Туран», «Туран так и остался страной мечты, и от него сохранились разве что какие-то следы в Венгрии да певческие праздники в Эстонии и Финляндии». Хентиг тем не менее не отвергал идею единства тюркских народов, а предлагал впредь именовать его, как уже отмечалось выше, «чагатаизмом», так как «тюркские племена к востоку от Волги, от Урала и до центра Монголии были завещаны Чингизханом своему второму сыну Чагатаю. А территории от Волги и до Великой Китайской стены следовало бы, как и на старых картах, называть Татарией».

Хентиг пытался последовательно провести в жизнь терминологические изменения. В начале 1942 г. в своей справке «Три термина — две проблемы» он подчеркивал: «Туран — это страна мечты. Туркестан — географическая территория, но такой страны и языка нет, татары же — реальный тюркский народ, обладающий особыми духовными силами и который уже встречался в истории»³². В отчете о состоянии пантуранского вопроса от 25 февраля 1942 г. Хентиг вновь предлагал употреблять общий этноним «татары» в отношении всех восточных тюрков, включая узбеков и таджиков. Тогда, по его мнению, это название постепенно привьется³³. Конечно же, подобные предложения можно расценивать как фантастические и нереальные, что в итоге и подтвердила сама жизнь — пожелания и предложения немецкого дипломата серьезных последствий не имели и остались лишь на бумаге.

Информационные материалы о состоянии пантуранистского движения германский МИД получал не только от своих чиновников, но и от представителей самих тюркских народов. В начале 1942 г. д-р Шемсель Банат, д-р Харун Ильмен и Кемаль Алтай составили справку в строго пантюркистском духе³⁴. Об этом свидетельствует следующий пассаж авторов: «Современные этнонимы — татары, туркмены, узбеки, башкиры — это сплошь надуманные конструкции, и мы не будем принимать их во внимание, а станем употреблять по отношению к указанным народам термин „тюрки“. Несмотря на этот пассаж, а также на ряд серьезных фактических ошибок (утверждения о том, что Золотая Орда основана Бату в 1224 г.: что одним из арабских авторов, писавших о Золотой Орде, был Ибн-Фадлан), в заслугу авторам необходимо поставить попытку разрушить общеевропейские стереотипы о тюркских народах.

Они протестовали против представления о татарах как о варварах и дикарях. 22 ноября 1941 г. многие немецкие газеты опубликовали один и тот же материал, содержащий такие слова: «Имеющиеся в России дегенерация и вырождение фактически связаны с татарским господством. Русская душа была отравлена этим кровавым террористическим господством, которое осуществляли татары». Сравнивая политику Золотой Орды в отношении Москвы с политикой Русского государства после завоевания Казанского ханства в Среднем Поволжье, авторы материала приходили к выводу, что никакого «варварского» неограниченного притеснения русских со стороны татар в то время не было, что именно Золотая Орда способствовала сплочению русских земель вокруг Москвы и единению Русского государства, что тюрки не влияли отрицательно на развитие русской культуры и науки, более того — лучшие представители тюркского народа пополнили ряды русских ученых и деятелей культуры.

В январе 1942 г. министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп проинструктировал своих подчиненных о необходимости в дальнейшем активно поддерживать пантуранистское движение³⁵. Однако тогда уже явно тенденция к переходу этих вопросов в ведение главного соперника МИД — Восточного министерства, где народами Кавказа, Поволжья и Средней Азии занимался основной эксперт проф. Г. фон Менде. Соперничество двух ведомств нарастало. По мнению Йоханнеса Глазнека, в первой половине 1942 г. главным предметом спора между МИД и Восточным министерством стал вопрос об их компетенции, о разумных пределах поддержки пантуранизма с тем, чтобы это не помешало собственно военным, экспансионистским целям³⁶.

Из сферы чисто дипломатической, в которой большие место занимали сбор информации, различного рода справки о возможности дальнейшего использования пантуранистского движения в интересах Германии, тесные контакты с заинтересованными лицами (так, в январе 1942 г. в Берлине побывали видные представители крымско-татарского национального движения Эдиге Мустафа Кирималь и Мустежиб Улкюсаль и выразили пожелание создать в Крыму национальное самоуправление крымских татар, но понимания в Берлине не нашли и уехали разочарованными³⁷), пантуранистский вопрос переходил в сферу военно-политическую (хотя разница между дипломатией и войной тогда была, безусловно, символической). Желательного, но оставшегося чисто теоретическим объединения тюркских народов (тем более под эгидой «дружественной» Турции) явно не получалось. Поэтому Восточное министерство и высшее командование вермахта перехватили инициативу и начали в первой половине 1942 г. конкретную работу по созданию военных формирований отдельных тюркских народов — так называемых восточных легионов, история которых представляет уже отдельную проблему.

МИД некоторое время сопротивлялся. В июне 1942 г. побывавший в Берлине Нури-паша имел беседы во внешнеполитическом ведомстве. Правда, тон этих бесед значительно изменился: Турция, по мнению Нури-паши, заинтересована была лишь в культурном влиянии на мусульманские области СССР, а также в «независимости» Крыма и Кавказа. В подобном духе высказался и генерал Эркилет 24 июля 1942 г. при встрече с послом фон Папеном³⁸.

Все уже было predetermined — пантуранистское движение, так ничего и не показав, становилось для Германии неактуальным. 12 сентября 1942 г. Гитлер дал указание фон Папену полностью прекратить все контакты в турецкой стороной по вопросу будущего Закавказья. Это, пожалуй, можно считать окончанием попыток использования пантуранистов Германией в своих военно-политических интересах. По крайней мере, в архиве МИД последними в толстой папке документов под грифом «Пантуранизм» лежали материалы, датированные августом 1942 г. Хотя было бы неправильно утверждать, что с августа-сентября 1942 г. интерес к тюркскому фактору в Германии заглох. Вплоть до 1944 г. посол Папен в своих донесениях из Анкары обязательно упоминал наиболее активных пантуранистов и давал оценки движению в целом. Кроме того, тюркский фактор учитывался при

создании как уже упоминавшихся восточных легионов, так и национальных представительств (комитетов) в 1943—1944 гг.

Говоря о пантуранизме, уместно было бы сказать и о реакции, которую он вызывал в Турции и в Советском Союзе.

Турецкое правительство официально никакой поддержки пантуранистам не оказывало и занимало в начальный период войны выжидательно-благожелательную позицию. При этом турецкие власти очень внимательно следили за развитием событий на советско-германском фронте. Их политика в указанной сфере была двойственной, и объяснение тому представляется вполне логичным: с одной стороны, Турция не забывала, что в Советском Союзе проживают миллионы представителей тюркских народов, и симпатизировала им, с другой стороны, открыто поддержать пантуранистские идеалы она не могла, ибо страх перед могучим соседом был очень велик. Когда посол Папен прямо спросил у турецкого президента Исмета Иноню, что тот думает о территориальных притязаниях пантуранистов, то получил ответ, что об этом президент желает говорить только тогда, когда русский поход германской армии даст действительно заметный результат (это слова, кстати говоря, относятся к 28 августа 1941 г., когда, казалось бы, победа Германии была абсолютно предрешена)³⁹.

6 апреля 1942 г. министр иностранных дел Турции (будущий премьер-министр) Сараджоглу заявил тому же Папену, что турецкое правительство не может официально поддержать Германию в решении пантуранистского вопроса, но оно разрешило неофициальным лицам устанавливать по этому поводу связи с Германией⁴⁰. Тогда же он сказал: «Само собой разумеется, что Турция не может не быть заинтересованной в судьбе 40 миллионов человек тюркского происхождения в России. Из географических соображений в будущем переустройстве России вряд ли возможно объединение этих областей с Турцией. Может быть, однако, они могли бы получить самоуправление с сильным турецким влиянием. Затем было бы необходимо отправить тысячи молодых людей из этих областей в Турцию, чтобы создавать тюркское самосознание у угнетенного населения»⁴¹.

Как только положение на фронте изменилось, изменился и тон турецких политиков. Депутат Нежмеддин Садак 7 июля 1943 г. выступил с резкими нападениями на пантуранистов: «Турецкая внешняя политика не имеет никаких расистско-империалистических целей. Подобное свойственно лишь примитивным обществам, которые базируются на племенной или религиозной принадлежности. Хотя Турция — националистическая страна, но она не настроена ни пантюркистски, ни панисламистски. Стремиться к объединению всех тюрков или мусульман — это не только утопично, но и против основных принципов турецкой внешней политики». Журналист Ф. Эркман опубликовал брошюру под названием «Самая большая опасность». Такие люди, как Ахмед-Зеки Велиди, Гаяз Исхаки или Мухаррем Февзи Тогай, как отмечал он, сами являются татарами или азербайджанцами и своей пантуранистской пропагандой наносят огромный вред нейтральной политике Турции⁴².

19 мая 1944 г. президент Иноню публично осудил пантуранистов: «Мысли о Туране вредят нам. Со времени нашего национального освобождения нас связывает дружба с Советами. Наша национальная политика далека от мысли искать приключения вне пределов страны. Туранисты являются бессовестными подстрекателями и совратителями молодежи. Против их мыслей, которые могут привести нас только к несчастью, мы будем защищаться со всей силой»⁴³. Действительно, страх перед советскими санкциями в Турции был очень велик. В мае 1944 г. начались аресты видных пантуранистов, например Р. Огуза Тюрккана, Абдулкадира Инана, Мухаррема Февзи Тогай, Ахмеда-Зеки Велиди, Акдеса Нимета Курата, Хюсюн Эмир Эркилета и многих других⁴⁴. 8 сентября того же года в Стамбуле открылся судебный процесс «подстрекателей», против которых было выдвинуто обвинение в распространении расистских пантуранистских взглядов и создании тайных обществ. 29 марта 1945 г. большинству обвиняемых вынесли приговор: принудительные работы сроком от 2 до 10 лет. Правда, уже в октябре

того же года военный суд этот приговор отменил⁴⁵. Пантуранизм надолго сошел с политической арены Турции.

А что Советский Союз? Конечно же, страна, в которой проживали миллионы граждан тюркского происхождения, не могла равнодушно следить за розыгрышем пантуранистской карты Германией. Это особенно ярко прослеживалось на страницах периодической печати. Доставалось при этом, однако, Турции, которая как будто стояла за спиной пантуранистов. Это было совершенно откровенным предупреждением, даже угрозой, демонстрируемой для сдерживания Турции от ввязывания в войну на стороне Германии. Советская периодика обвиняла турецкое правительство в расистской пропаганде, а пантюркистов-пантуранистов именвала не иначе, как «фашистскими агентами»⁴⁶. Даже официальные преследования пантуранистов в Турции не сбили с толку бдительных советских журналистов. После арестов и судебного процесса в Стамбуле «Известия» вопрошали: почему такое опасное движение могло столь долго развиваться на глазах турецкого правительства? Газета обвиняла турецкое руководство в пассивности. В Советском Союзе, по-видимому, не были удовлетворены масштабами проведенных арестов.

Таким образом, идея использования тюркского фактора Германией в первые годы второй мировой войны, зародившаяся в недрах германского МИД, провалилась. Тюркское единство во имя борьбы с большевизмом и с Советским Союзом оказалось на поверку мифом. Этого единства не было и в самом начале XX в., когда только формировалось национальное самосознание многих тюркских народов, развивавшихся в политическом, социальном, культурном плане разными путями. Его не оказалось и в 30—40-е годы, когда политическая ситуация изменилась в корне. Даже Турция, на которую германская дипломатия возлагала такие надежды, не спешила собирать тюркских собратьев под свое крыло, используя военное нападение Германии на Советский Союз. Она, наоборот, явно дистанцировалась от туранской идеи, не желая портить отношений со своим северным соседом.

Германское внешнеполитическое ведомство создало «много шума из ничего» прежде всего во имя амбиций своего руководства в соперничестве с другими заинтересованными учреждениями «третьего рейха», в первую очередь с Восточным министерством А. Розенберга. А это явилось одной из ошибок, пусть и не решающей, которую Германия допустила в ходе войны. Однако не следует забывать, что была и другая, не дипломатическая сторона использования тюркских народов СССР (в числе других) Германией в своих интересах — это создание так называемых добровольческих соединений вермахта и СС. Об этом уже упоминалось выше, и об этом, думается, следует поговорить отдельно.

Примечания

¹ Hostler Ch. W. Türken und Sowjets. Die historische Lage und die politische Bedeutung der Türken und der Türkvolker in der heutigen Welt. Frankfurt/Main; Berlin, 1960. S. 143; Önder Z. Die türkische Außenpolitik im Zweiten Weltkrieg. München, 1977. S. 142.

² Landau J. Pan-Turkism in Turkey. A Study of Irredentism. L., 1981; Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge/Mass., 1960.

³ Hostler Ch. W. Op. cit. S. 174.

⁴ Önder Z. Op. cit. S. 144; Önder Z. Panturanismus in Geschichte und Gegenwart // Österreichische Osthefte. № 19 (2). 1977. Mai. S. 96—97.

⁵ Подробные биографические сведения об Энвер-паше см.: Aydemir Şevket Süreyya. Makedonya'dan Ortaasya'ya Enver-Paşa. Cilt 1 : 1860—1908. Istanbul, 1971; Cilt 2 : 1908—1914. Istanbul, 1971; Cilt 3 : 1914—1922. Istanbul, 1972.

⁶ Kreckler L. Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt/Main, 1964. S. 208.

⁷ Ibid.

⁸ Jäschke G. Der Turanismus und die kemalistische Türkei // Schaefer H. H. (Hrsg.) Der Orient in deutscher Forschung. Leipzig, 1944. S. 251.

- ⁹ Brockelmann C. Das Nationalgefühl der Türken im Licht der Geschichte. Halle/S., 1918. S. 22.
- ¹⁰ Wippert K. Der Turanismus // Der Neue Orient. № 6 (4). 1922. S. 202—210.
- ¹¹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее — PA AA). Bonn. Pol. XIII. R. 105196.
- ¹² Bundesarchiv-Potsdam (далее — BA-Potsdam). Auswärtigen Amt. № 61174. Bl. 27.
- ¹³ PA AA. Ut. St. S. Panturan (R 29900). Bl. 311698.
- ¹⁴ BA-Potsdam. Auswärtiges Amt. № 61174. Bl. 42—44.
- ¹⁵ Ibid. Bl. 48.
- ¹⁶ Kreckler L. Op. cit. S. 210.
- ¹⁷ BA-Potsdam. Auswärtiges Amt. № 61174. Bl. 66—69.
- ¹⁸ Kreckler L. Op. cit. S. 210—211.
- ¹⁹ Henderson A. The Panturanian-Myth in Turkey Today // Asiatic Review. № 41(1945). P. 88.
- ²⁰ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее — ADAP). 1918—1945. Serie D. 1937—1941. Band XIII. 2. Die Kriegsjahre. Göttingen, 1970. № 361. S. 467—470.
- ²¹ Здесь следует отметить, что уже 24 сентября 1941 г. глава Восточного министерства А. Розенберг обратился к высшему командованию вермахта с аналогичной просьбой. Трудно сказать, насколько эта просьба была связана с предложениями Нури-Паши (ADAP. 1918—1945. S. 469). Тем более, как мы уже знаем, посол Ф. фон Папен то же самое предлагал еще в конце июля. Хотя З. Ондер утверждает, что тюрко-мусульманские легионы и были созданы именно по инициативе Нури-паши (Onder Z. Panturanismus... S. 99).
- ²² Hentig W. O. von. Mein Leben eine Dienstreise. Göttingen; Zürich, 1962. S. 351.
- ²³ Mühlen P. von. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Dusseldorf, 1971. S. 84.
- ²⁴ Mende G. von. Erfahrungen mit Freiwilligen in der deutschen Wehrmacht während des Zweiten Weltkrieges // Vielvölkerheere und Koalitionskriege. Darmstadt, 1952. S. 25.
- ²⁵ ADAP. 1918—1945. № 431. S. 578.
- ²⁶ BA-Potsdam. Auswärtiges Amt. № 61174. Bl. 154—157.
- ²⁷ Ibid. Bl. 195.
- ²⁸ PA AA. U. St. S. Panturan (R 29900). Bl. 311643—311645.
- ²⁹ BA-Potsdam. Auswärtiges Amt. № 61175. Bl. 12.
- ³⁰ Ronneberger F. Türkismus und Turanismus // Volkstum im Südosten. Dezember 1942. S. 197—202.
- ³¹ Hentig W. O. von. Turan-Tatarei // Zeitschrift für Politik. Bd. 32. 1942. S. 185—188.
- ³² BA-Potsdam. Auswärtiges Amt. № 61175. Bl. 154.
- ³³ Ibid. Bl. 164.
- ³⁴ Ibid. Bl. 17—22.
- ³⁵ ADAP. 1918—1945. Serie E. 1941—1945. Bd. 1. 12.XII.1941 — 28.II.1942. Göttingen, 1969. № 189. S. 348.
- ³⁶ Glasneck J., Kircheisen I. Türkei und Afghanistan — Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. Berlin (Ost), 1968. S. 105.
- ³⁷ Ülkusal M. İkinci dünya savaşında 1941—1942 Berlin hatıraları. İstanbul, 1976.
- ³⁸ Glasneck J. Op. cit. S. 109.
- ³⁹ Kreckler L. Op. cit. S. 211.
- ⁴⁰ Ibid. S. 213.
- ⁴¹ Ibid. S. 215.
- ⁴² Onder Z. Die türkische Aussenpolitik... S. 151.
- ⁴³ Jäschke G. Die Türkei in den Jahren 1942—1951. Geschichtskalender mit Namen- und Sachregister. Wiesbaden, 1955. S. 26.
- ⁴⁴ Wiesband E. Turkish Foreign Policy 1943—1945. Small State Diplomacy and Great Power Politics. Princeton, 1973. P. 243—246.
- ⁴⁵ Kreckler L. Op. cit. S. 221—222.
- ⁴⁶ Крымский В. Пантюркисты — фашистская агентура в Турции // Большевик. 1944. № 10—11.

Panturkism, Panturanism and Germany

Under analysis is how during the World War II nazist Germany attempted to use «turkic factor» in her war strategy. The author investigates the terms «Panturkism» and «Panturanism» and the development of the panturkic concept in Turkey and Russia in XIX—XX.

I. Gilyazov